Юрий Каграманов

Крик Майастры

Перспектива консервативной революции в Европе

Европа, стань собою!
Иоанн-Павел II

В истории Европы идеологи, именуемые радикальными правыми, всегда — будем считать от Жозефа де Местра и Луи де Бональда — оставались маргинальной величиной. По серьезному счету было лишь одно исключение: консервативные революционеры веймарской Германии в определенной мере поспособствовали, хотя бы и невольно, становлению нацистского режима.

По моему впечатлению, во второй раз в Европе складывается ситуация, когда радикальные правые, в последние десятилетия именующие себя новыми правыми, получают некоторые шансы на успех. Конечно, не в следующем году, но уже в обозримом будущем.

Откуда пришли новые правые и куда зовут?

Еще о «вечном возвращении»

Начало ворвалось в наше будущее. Оно гонит вдаль свое величие, которое нам необходимо нагнать.
М. Хайдеггер

Как и новые левые, они же неомарксисты, новые правые — «дети 68 года»; и возникли они в эпицентре культурной революции — бунтующем Париже. Новыми они себя назвали потому, что решительно отмежевались от парламентских правых, типа английских тори или германских демохристиан. В отличие от тех и других и им подобных они не торопились выступить в политическом поле, но поставили первоочередной целью завоевание «культурной власти» (в этом они, как и неомарксисты, явились учениками коммуниста Антонио Грамши). И не в

Каграманов Юрий Михайлович — культуролог, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Понять Украину» (№ 1, 2006), «Евразия: призрак или реальность?» (№ 5, 2006), «Был ли Гете мусульманином?» (№ 8, 2006), «Зеленый бык на зеленом поле» (№ 4, 2007), «Как уберечь луну от волков» (№ 11, 2007), «Мазепа и другие. Украина в поисках отцов-основателей» (№ 2, 2009), «Вокруг “иранской идиомы”» (№12, 2009), «Что нам готовит год 2083?» (№12, 2011).

партию организовались они, но в сообщество интеллектуалов, занятых неторопливым созданием академически фундированной идеологии; притом сообщество не формализованное, состоящее из взаимодействующих кружков и групп.

В то же время они заявили себя продолжателями консервативных революционеров веймарской Германии. В самой Германии консервативные революционеры считались «скомпрометированными» связями с гитлеризмом, хотя на самом деле гитлеризм, по справедливому замечанию В.А. Сендерова, явился всего лишь пародией (злой, злейшей пародией) на идеалы консервативных революционеров. За исключением итальянца Юлиуса Эволы, все ведущие консервативные революционеры или сразу после прихода Гитлера к власти, или очень скоро после этого отвернулись от него и ушли во «внутреннюю эмиграцию». Кое-кто был даже репрессирован: Эдгар Юнг, например, был убит в тюрьме после жестоких пыток; даже Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер одно время подвергались угрозе ареста, и только мировая слава их уберегла.

Конечно, бдительность в отношении всего, что напоминает фашизм, необходима. Того, что б ы л о при Гитлере, забыть невозможно. Хотя очень хотелось бы — не только ради провинившихся немцев, но ради всего человечества. Увы, должна пройти тысяча лет, чтобы люди, ужаснувшись тому, например, что происходило в лагерях смерти, могли все-таки вздохнуть с облегчением: это ведь такая д р е в н о с т ь (конечно, при условии, что в следующую тысячу лет ничего подобного уже не повторится, что, к сожалению, не гарантировано). Но надо различать сигнальные огни, предупреждающие о реальной опасности. Те, кто был причастен к преступлениям, отмечены знаком нравственной деградации, ниже уровня которой невозможно было опуститься. А если кто-то из них продолжал считать себя носителем немецких культурных традиций (Гитлер с упоением слушал «Лоэнгрина», Геббельс декламировал Шиллера), то это загадка медицинского свойства.

А консервативных революционеров, чьи личности сложились в густом воздухе культуры эпохи до Первой мировой войны, отличал духовный аристократизм, который они, к сожалению, не могли передать всем тем, кто прикасался к их сочинениям. Это значит не то, что идеи их были хороши, а то лишь, что они или, точнее, некоторые из них заслуживали и сейчас еще заслуживают стать предметом для размышлений.

Добавлю, что есть книги, которые, вероятно, не следует давать читать тем, кто способен судить «не свыше сапога».

Французы как нация не несут ответственности за преступления фашизма, поэтому французские последователи консервативных революционеров не испытали особых стеснений в своей деятельности. Респектабельности им добавил тот факт, что к ним присоединились известные персоны — старейшина французских историков Пьер Шоню, писатели Морис Бардеш, Морис Дрюон, Эжен Ионеско и другие. Ядро новых правых составили молодые люди, исполненные корпоративного духа и выступившие под коллективным псевдонимом «Майастра». Это образ, взятый из румынской мифологии, — «легендарная птица, в сгустившихся сумерках испускающая боевой крик, чтобы внушить человеку веру в его судьбу». В Париж эта птица залетела в виде изваяния, созданного известным румынским скульптором Константином Бранкузи.

С течением времени к французским новым правым подтянулись их немец-

кие единомышленники, видимо, решившие, что «из вины шубу не сошьешь» (возможно, у немцев есть свой аналог этой русской пословицы). Появились свои новые правые в Англии и других европейских странах. Но французы в этом движении пока продолжают лидировать, при этом отдавая предпочтение «германскому гению» перед «французским гением», чрезмерно, на их взгляд, рационалистическим. В особенности, как уже было сказано, они считают себя обязанными немецким консервативным революционерам.

Сильное место равно консервативных революционеров и новых правых — критика того, что можно назвать издержками либерализма, а именно материализма (как в бытовом, так и в философском смысле этого понятия) и экономизма. Сюда относится и наступление «плебейской» культуры, резко усилившееся после 1968 года, когда неомарксисты, они же культурмарксисты, главные идейные противники новых правых, осуществили революцию, действительно ставшую перманентной (мечта Троцкого реализовалась в несколько ином плане, именно — плане культуры).

Что касается, условно говоря, позитивной части программы консервативных революционеров, то в этом они существенно расходились друг с другом. Одни, например, выступили за монархию, другие за демократическую республику. Общим для них было видение общества как «органического целого», предполагающего высокую степень единодушия его граждан. Из того, что последующие годы явили миру «яркие» примеры дурного единодушия, не вытекает, что идея эта сама по себе дурна. Определенная степень единодушия обществу так же необходима, как и либеральная свобода личности. Это вопрос «не веры, а меры».

Можно сказать так, что консервативные революционеры явились продолжателями романтической реакции на Просвещение с его рационализмом и технократическим оптимизмом.

Разошлись консервативные революционеры и в важнейшем вопросе — отношения к христианству. Эдгар Юнг и Отмар Шпанн, а также менее известный Фридрих Хильшер оставались христианами (протестантами или католиками); Юнг даже считал, что Германия призвана инициировать повторную христианизацию Европы и что в этом состоит главная задача нового рейха. Но большинство консервативных революционеров отошло от христианства. Вынесенную здесь в эпиграф витиеватую фразу Хайдеггера они понимали так, что пришло время вернуться в дохристианское прошлое и, как писал Артур Меллер ван дер Брук, «начать все сначала».

Хотя Меллер «уважительно» относился к христианству, он считал, что Германии нужна «религия действительности». Христос, писал он, велик как человек-мечтатель (заметим, что Христос для него — только человек!), а сейчас нужны герои, а не мечтатели. В поисках образцов одни консервативные революционеры обратились к древнегерманским сагам. Подлинные герои, с их точки зрения, — те, которых рождал «немецкий лес»: это крепковыйные дружинники, окружавшие варварских конунгов (в этом месте, действительно, показались из тумана предупреждающие об опасности сигнальные огни, но тогда мало кто обратил на них внимание). Другие консервативные революционеры (Юнгер, в частности) образцы усматривали в средневековом рыцарстве.

Французские новые правые подхватили эту веру в «немецкий лес», разве что «уравняв в правах» кельтов с германцами (новые правые — европеисты, в

отличие от консервативных революционеров, которые были умеренными националистами), и вообще веру в доисторические реальности. Ален де Бенуа, с самого начала и на долгое время ставший главным теоретиком новых правых, писал: мы не верим в смысл истории, а верим только в вечное возвращение. Язычество, согласно де Бенуа, не было искоренено христианством, оно оставалось в сознании человека «спящим», и легко может пробудиться; на деле оно уже давно пробудилось.

Точнее, речь идет не о язычестве как определенном культе, но о «духе язычества». Что утверждает самодостаточность мира и самотождественность человека: каждое «я» равно самому себе, и нет никакого «сверх-я», с которым оно могло бы себя соотносить. И нет и не должно быть никакого ощущения собственного несовершенства, а следовательно, и стыда за свои поступки, который христианство внушает человеку. От материалистического взгляда на мир и на человека такой взгляд отличается тем, что в нем нет и следа того, что называется научной объективностью. Напротив, здесь человек погружен в миф (употребляю это понятие не в отрицательном, но в нейтральном смысле): его сознание ограничено непосредственно чувственным восприятием, непосредственно видимыми и осязаемыми вещами и явлениями.

Гийом Фэй, другой новый правый, считает, что язычество — это «зеркало живого мира»; оно открывает человеку, что жизнь есть трагедия, но такова уж его судьба. И так как в жизни, по видимости, торжествует сильный, то Фэй испытывает, по его признанию, «обаяние силы»; молитву он оставляет слабым.

Пробуждение интереса к языческому прошлому имело место, как известно, уже в эпоху Ренессанса, но тогда внимание было направлено на классическую Грецию — царство Разума и Красоты; хотя это тоже был по-своему ущербный век (я говорю о классической Греции): он привел к чисто эстетическому упорядочению хаоса, не способному вобрать всю полноту смыслов бытия; отчего и оказался относительно коротким. А новых правых манит — наряду с германскими и кельтскими древностями — архаическая Греция. Де Бенуа берет на себя смелость утверждать, что царство хаоса было по-настоящему «продуктивным». Андре Конт-Спонвиль, новый правый, призывает «стать греками» досократических времен — героями Гомера. Ему вторит немецкий новый правый Петер Кребс: мы (современные европейцы) происходим от народов «Илиады» и «Эдды», а не от народов Библии. Немецкий философ Петер Слотердайк, в последнее время тяготеющий к новым правым, заглядывает еще глубже — во времена жестокого Кроноса (напомню, что, согласно мифологии, он оскопил отца и съедал собственных детей), по его словам, «достойного пастуха человеческого стада».

Архаические общества для новых правых хороши тем, что в них на виду были только боги и «богоравные» герои (в «Одиссее» даже свинопас назван «богоравным»). Некоторая, по меркам позднейших времен, «носорожистость» (салют Эжену Ионеско!) этих обществ их не смущает. Зато там не было или не видно было, скажем, менял или торговцев. Даже жрецов почти не видно было.

«В то время как Библия, — пишет де Бенуа, — проявляет стремление ограничить самовластие человека посредством ряда запретов... религии древней Европы героизируют человека, который преодолевает себя и таким образом приобщается к божеству»[1]. Приобщение, увы, оказывается неполным, потому

что бессмертие обитателей Олимпа (если имеются в виду они) такому герою недоступно. В перспективе его ждет завораживающе мрачная обитель, изображенная на знаменитой картине «Остров мертвых» Альфреда Беклина, самого яркого (если уместно употребить здесь это слово) выразителя немецкого Kulturpessimismus конца XIX — первой трети XX века. Другое дело, если имеются в виду божества «немецкого леса», более всего известные нам по тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунгов», — они, как известно, и сами плохо кончают.

«Дубовый герой» — сказанное Андреем Белым о вагнеровском Зигфриде может быть отнесено и к тому представлению о герое, которое вынашивают новые правые.

Христианство отвращает новых правых не в последнюю очередь потому, что все дефекты современного общества, реальные или мнимые, они относят на его счет. Оттого, как пишет Кребс, «любой дискурс, призывающий к возрождению Европы, не отделяя себя от иудеохристианской цивилизации, наперед обречен на неудачу, так как он заключает себя в самую матрицу упадка»[2]. Главное зло современного общества, с точки зрения новых правых, — эгалитарная демократия, которую вызвало к жизни, желая того или нет, христианство.

Действительно, демократия, которая веками строилась в Европе

Под клики свободных народов,
Под шум благородных дубов,

имеет преимущественно христианское происхождение. Но в христианстве правда равенства, влекущая к «вышним», отягощена, так сказать, противовесом в виде правды неравенства, имеющей природные корни. Обе правды надо держать в уме — и в сердце. Порицая эгалитаризм, надо понимать, что это извращение христианства, а отнюдь не его естественное следствие.

Еще один упрек, который новые правые адресуют христианству — оно-де породило неограниченную эксплуатацию природы и привело таким образом к нынешнему экологическому кризису. На самом деле неограниченную эксплуатацию природы инициировала идеология Просвещения. Последняя, действительно, возникла в лоне христианства, хотя одновременно и в противоборстве с ним и, во всяком случае, христианство не несет ответственности за все то, что было спроектировано просветителями.

Но вообще замечу, что сильное место новых правых, как и прежде консервативных революционеров, — критика современного общества. Принадлежащий к этой духовной «семье» писатель Рено Камю совершенно справедливо, на мой взгляд, указывает на то, что главное зло сегодня — «гипердемократия», которая «стремится распространиться с политического поля не другие поля, где ей нечего делать». И она «оказывает разрушительное действие в таких доменах (между прочим, взаимосвязанных), как семья, воспитание, культура»; эти три домена «всеми силами отталкивают демократию как решительно с ними несовместимую и если не преуспевают в этом, то гибнут»[3]. Добавлю, что если гибнут они, то гибнет и сама демократия.

Еще одно сильное место новых правых — они ставят антропологию в центр истории. На Западе все внимание обращено на институты, которые, как предполагается, «сами собою» должны формировать личности. А для новых правых институты — на втором месте. В аспекте экономики и политики разные новые правые находят приемлемыми для себя те или иные структуры, взятые из либе-

рального капитализма, социализма и даже фашизма в его итальянской версии. Главное же для них — качество личности, что, на мой взгляд, правильно. Беда лишь в том, что «качественная» личность слишком часто являет у них черты «дубового героя», противопоставленного человеку, воспитанному в христианских правилах (по крайней мере, так было до последнего времени).

Справедливо порицая в современном обществе «момент» Содома и Гоморры, новые правые бросаются в иную крайность, принимая за образец «противоестественную твердость духа», как ее определил Шиллер, имея в виду спартанцев древности.

Что касается «гипердемократии» — у которой есть другое имя: культурмарксизм, — то она замешена на философии кинизма, а отнюдь не на христианстве. И чтобы противостоять ей, совсем не обязательно откатываться во времена, определяемые как плюсквамперфектум, что делают новых правых или, во всяком случае, то их крыло, которое направляет де Бенуа.

Сам ценимый новыми правыми Хайдеггер определяет такой путь, как Holzwege, что означает «путь в лес за дровами», то есть в такое место, откуда можно вернуться назад, но пути дальше вперед нет.

Академические по видимости штудии, которым предались новые правые, не дали, однако, большого эффекта — внушительный объем текстов, вышедших из-под их перьев за последние несколько десятилетий (и о чем только они в эти годы не писали: о вопросах женского равноправия, фольклоре, музыке Вагнера и теории эволюции, о квантовой механике и демографии и о многом, многом другом), до сих пор не привел к радикальным переменам и общественном сознании. Отчего к началу нового века в рядах движения возник кризис, выдвинувший на первые роли уже упоминавшегося Гийома Фэя. Он пришел к выводу, что «язычество, как метаполитическое знамя, не имеет шансов на успех, в отличие от христианства, иудаизма и ислама»[4]. Таков парадокс: люди далеко отошли от христианства, но совершенно порывать с ним не хотят.

Фэй теперь заявляет, что он всегда испытывал «глубокую симпатию» к христианству в обеих его основных версиях — католической и православной. При этом он не думает отрекаться от язычества, как он его понимает. «Языческая душа, — пишет он, — есть внутренняя сила и должна пронизывать все идеологические и культурные выражения… Говорить «я — язычник» не имеет смысла. Каждый человек есть язычник»[5]. Что ж, это верно в том смысле, что некое стихийное язычество есть начальная ступень религиозности, но если не пытаться подняться выше, то содержащаяся в нем малая истина превращается в ложь.

Фэй находит решение религиозного вопроса в ключе социологии. Для масс, считает он, следует оставить католицизм; более того, следует укрепить его до его средневековых кондиций. А вот творческие элиты, которые призваны сменить правящие ныне плутократии, должны быть воспитаны в духе «здорового» язычества (для чего им следует брать уроки, например, у Ликурга и Катона Старшего), несовместимого со всеобщей распущенностью и разрушением жизненных энергий, которые мы видим на современном Западе. Эти элиты должны исполниться «фаустовского духа» и бесстрашно двигать вперед науку и технику, в какие бы умопомрачительные дали они ни заводили. (В этом Фэй резко разошелся с консервативными революционерами, в особенности с Хайдеггером и Юнгером, много писавшими на данную тему: у тех отношение к миру техники

было преимущественно враждебным.) Только не ради большего комфорта для человека, а того ради, чтобы укреплять в себе сознание собственного могущества. И коль скоро этому способствуют, например, генная инженерия и биотехнологии (против чего резко выступает христианство, бдящее на службе человечности), то да здравствуют и они!

Между прочим, «фаустовский дух» исходит не от Ликурга и Катона Старшего и даже не от Цицерона и Марка Аврелия (при всем к ним уважении). Откуда он исходит, можно прочесть у Шпенглера, которого новые правые считают одним из своих предшественников и который ввел в оборот само это выражение (напомню, что для него истоком «фаустовского духа» являлось определенным образом понятное христианство).

И еще возникает вопрос: как может осуществиться чаемая новыми правыми однородная органичность» общества, если оно будет связываться из столь различных в религиозном отношении слоев?

В минувшие годы де Бенуа и Фэй были едины в определении стратегии новых правых: сначала надо утвердить порядок ценностей (дело религии и философии), затем его должны воплотить произведения искусства и только потом его можно реализовать в политической жизни. Смею думать, что это методологически правильный подход к делу — безотносительно к тому, какой порядок ценностей утверждается и в каком направлении совершается движение. Не зря говорят: живая кость мясом обрастает. Хотя нельзя совершенно игнорировать мнение на сей счет Хайдеггера: «новое общемыслие» (которое философ считал необходимым для общества) должно стать результатом естественного, неотрефлектированного развития — явиться «через почву». С «почвой» надо считаться, чтобы не провалиться сквозь землю. И все же исторический опыт говорит о том, что идея при определении какого-то нового пути имеет решающее значение[6].

«Новый» Фэй решил, что нельзя откладывать достижение поставленных новыми правыми целей «до греческих календ», что пришла пора действовать. По его словам, «общество, каким мы его знаем, не может быть спасено... Единственное решение в настоящий момент состоит в том, чтобы ввергнуть его в состояние хаоса — путем гражданской войны, экономической депрессии и т.д. Только так можно покончить с господствующим образом мыслей и сделать приемлемым и неизбежным то, что вчера еще только казалось невероятным»[7].

К подобной точке зрения склонился и лидер немецких новых правых Кребс, ради создания хаоса готовый даже заключить союз с крайне левыми, анархистами, единственной целью которых является разрушение.

У «нового» Фэя нашлись многочисленные последователи, среди них — норвежский востоковед Педер Йенсен, ставший широко известным своими блогами, которые он публикует под ником «Фьордман» (человек фьордов). Этот «сумасшедший, полный ненависти викинг», как назвала его одна левая газета, излагает в блогах позицию Фэя, полностью ей сочувствуя[8].

В свою очередь, у «сумасшедшего викинга» есть свой особо рьяный последователь — его соотечественник Андерс Брейвик. Подсчитано, что в полуторатысячестраничном Манифесте Брейвика Фьордман цитируется сто одиннадцать раз!

Ганнибал у ворот!

Еще несколько лет назад разговоры о собственном упадке в Европе «плохо продавались». Но чем дальше, тем труднее становится скрывать его от самих себя. Все чаще можно услышать, что Европа становится объектом «колонизации» со стороны южных народов, в первую очередь мусульманских, — еще дедам и прадедам нынешних европейцев мысль об этом показалась бы совершеннейшей дичью.

Ветер резко подул в паруса новых правых. Так вышло, что это, главным образом, они отстаивают сегодня ценности нации и — страшно сказать — расы. Фэй пишет, что о расе можно и должно говорить, коль скоро она переходит от наступления к обороне, и я не знаю, что тут ему возразить. Люди ведь заботятся об исчезающих видах животных и почему бы не позаботиться о сохранении человеческого вида — пусть еще пока не исчезающего, но вполне могущего исчезнуть в не столь отдаленном будущем. Такой «расизм» имеет мало общего с расизмом европейцев былых времен, затянутых в черные рединготы и жесткие белые воротнички.

Да и у тех, в черных рединготах, представление о превосходстве белой расы связывалось, как правило, не с биологическими ее особенностями (на чем настаивали лишь отдельные теоретики), а с превосходством ее культуры. Которою они, кстати, щедро делились с иными расами. А превосходство европейской культуры — факт, против которого опять-таки трудно что-либо возразить[9].

Между прочим, Меллер ван дер Брук, которого нацисты поторопились залучить себе в союзники (благо он умер задолго до того, как они пришли к власти), писал, что европейцы — «раса в духовном смысле», а это не совсем то же, что биологическая раса.

Но сегодня, если верить Кребсу, Европа в культурном отношении — «труп, разлагающийся на солнце». Сказано, наверное, слишком сильно и все же не так далеко от истины.

Ощущение собственной слабости имеет следствием податливость перед лицом наступающих мусульман. Особенно это сказывается на школе, выпускники которой в Германии, например, чем дальше, тем больше оказываются «разнемеченными». Пишет публицист Тило Саррацин: «Немецкое в Германии все больше иссякает, а интеллектуальный потенциал исчезает быстрее всего. Кто через 100 лет еще будет знать «Ночную песнь странника» (стихотворение Гете, известное у нас в переводе Лермонтова. — *Ю.К.*)? Школьники, изучающие Коран в медресе при мечети, уж точно этого знать не будут»[10]. Журнал «Der Spiegel» (в номере от 9.1.2007) нарисовал картину того, чем станет немецкая школа в не столь отдаленном будущем — много раньше, чем через сто лет. Здесь основным языком служит арабский, а наивысшие баллы получают ученики, умеющие выпевать суры Корана в строгом соответствии с мелодикой далеких знойных широт.

Возможно, в этих картинах будущего краски наложены излишне густо, но тенденция отображена верно.

Нечто подобное наблюдается и во Франции, а также в некоторых других европейских странах. Если верно говорят, что historia est magistra vitae (история — наставник жизни), то у нынешних школьников жизненные ориентиры

будут существенно иными, чем у отцов и особенно дедов. Им, например, ничего не сообщается о том, кто такой был Хлодвиг (король, окрестивший французов), а о Карле Мартелле, разбившем арабов в исторической битве при Пуатье в 731 году и прогнавшем их обратно в Испанию, говорится, что он был «расистом» (это все равно как если бы у нас назвали расистом Дмитрия Донского за то, что он бросил вызов татаро-монголам на поле Куликовом). Очень немногое рассказано о Наполеоне, еще недавно бывшем для французов предметом культа, зато довольно подробно — о средневековой империи Мали и о Китае времен династий Хань и Мин. Я уже не говорю о Крестовых походах: авторы учебников представляют их, как несмываемое пятно позора на лице средневековой Европы. Да иной трактовки и не приняли бы становящиеся все более многочисленными учащиеся-мусульмане.

Не удивительно, что неуважение к европейцам у пришлых народов доходит до того, что их за глаза все чаще называют «белой швалью»[11].

Поистине, для тех, кого выращивает европейская школа, грядущее «иль пусто, иль темно». Китайские педагоги, не так давно приглашенные в качестве экспертов, пришли к заключению, что в значительной, если не в большей своей части это никчемные молодые люди, годные только на роли праздношатающихся. И если мусульмане и другие иммигранты не помогут делу, европейская экономика пойдет на спад уже в третьем десятилетии XXI века — из-за одной только нехватки кадров, независимо от всех прочих условий. В этом случае, говорят эксперты, нам, то есть китайцам, придется озаботиться поставками в Европу гуманитарного риса (то ли это сказано всерьез, то ли иронически — поди разбери).

Было бы странно, если бы в глубине «европейской души» не взыграла память о былой ее значительности. Память, требующая действий. К чему призывает, например, популярный немецкий блогер, выступающий под ником Mixi: «СОПРОТИВЛЕНИЕ! Если будет нужно, силой»[12]. Ганнибал у ворот! Хотя сейчас уже скорее по сю сторону ворот.

Европейская жизнь — река, в которой можно различить два очень разных слоя. Верхний — теплый, излучающий приветливость и доброжелательство; здесь еще что-то остается от изящной гуманности XIX века. Нижний слой, иногда вырывающийся на поверхность, — холодный и злой; особенно он дает о себе знать в сфере воображаемого. Один из самых ярких примеров — фильм Ларса фон Триера «Догвиль», в котором благодушные с виду обыватели долго измываются над пришлой девушкой, а девушка в итоге всех их безжалостно расстреливает (действие перенесено автором в Соединенные Штаты в силу особой его неприязни к этой стране, но вполне могло бы быть разыграно и в Европе). Между прочим, если говорить о фильмах, то именно «Догвиль», по признанию Андерса Брейвика, побудил его совершить то, что он совершил. (После такого признания режиссер фильма поспешил принести свои извинения: у него, дескать, в фильме одна только игра воображения, которую не следует впутывать в реальную жизнь; но человеческая жизнь так устроена, что реальное и воображаемое в ней не отделены друг от друга непроницаемой перегородкой, но обладают способностью в определенных случаях сквозь нее просачиваться).

Самый, пожалуй, известный на сегодня немецкий философ Слотердайк в книге «Гнев и время» (слово Zorn в заглавии может быть переведено как «гнев» и

как «ярость»; я выбрал более мягкий вариант) считает, что не следует прятать гнев под поверхностью благодушия; ибо гнев может играть конструктивную роль. Первая строка «Илиады» «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» была первым словом европейской цивилизации. В гомеровские времена и позже гнев был «конструктивным инстинктом», а сейчас он рассеян или подавлен; в последнем случае он превращается в ressentiment (злую память). Длительное время, пишет Слотердайк, христианство, как и ислам, было «школой гнева», но теперь оно в этом качестве, в отличие от ислама, уже «не работает».

Раз уж зашла речь о христианстве, следует заметить, что как раз отсутствие в дехристианизированной Европе высших, всеобъемлющих смыслов бытия порождает в человеке (среди прочих причин) подспудное раздражение и злобу. А выражение «школа гнева», употребляемое Слотердайком применительно к христианству, слишком неопределенно. В этом аспекте, как и в некоторых других, христианское сознание, скажем так, «разноэтажно». В верхнем его «этаже» гнев смиряется упованием на высший суд: «Мне отмщение и Аз воздам». Но в нижнем «этаже» при определенных обстоятельствах п р а в е д н ы й гнев смеет искать выход, как в частной жизни, так и особенно на войне.

Никаких рекомендаций в своей книге Слотердайк не дает. В сущности, мы находим у него просто констатацию, типа:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой.

Но из какой тучи ударит гроза и кого она побьет, об этом ничего не говорится. «Никто, — утверждает Слотердайк, — ни на земле, ни в небе, не знает, что делать с праведным гневом людей»[13].

Так писал Слотердайк несколько лет назад. Но за эти несколько лет что-то в атмосфере изменилось, и теперь Слотердайк, когда-то бывший учеником неомарксиста Т. Адорно и еще недавно мировоззренчески причислявший себя к киникам, откровенно дрейфует в сторону новых правых. В том же замечены и Саррацин, долгие годы состоявший в партии социалистов, и известный писатель-антифашист Мартин Вальзер, и не менее известный кинорежиссер Ганс-Юрген Зиберберг и еще кое-кто из менее значительных фигур. Это все немецкие примеры, но подобный же дрейф наблюдается и во Франции, и в некоторых других странах.

Гнев, считают новые правые и те, кто идут с ними на сближение, надо канализовать сразу в двух направлениях: против мусульман и против собственных элит, которые необходимо принципиально обновить. Если этого не сделать вовремя, Европу ждет место на «кладбище погибших народов».

Неформальные лидеры французских и немецких новых правых Фэй и Кребс считают неизбежными гражданские войны, которые скорее всего перерастут во внешние войны. «Увы, — пишет Фэй, — только настоящая гражданская война может решить проблему колонизации, африканизации и исламизации — трагедии, которую Европа еще не переживала за всю свою историю». И дальше: «Я не призываю к войне, я просто считаю ее неизбежной»[14]. Кребс полагает, что гражданские войны могут начаться тогда, когда некоторые муниципалитеты начнут переходить в руки мусульман, а это скорее всего произойдет уже в ближайшие годы.

Фэй рисует широкую картину грядущего великого противостояния Севера

и Юга Евразии. Условного «леса» и условной «пустыни». Северу, по его убеждению, следовало бы соединиться в единую империю — «Евро-Русь», «от Лиссабона до Владивостока»; с высокой степенью автономии отдельных ее частей. Это, пишет Фэй, был бы подлинный Третий Рим, которым Россия в отдельности не смогла стать.

Наверное, это все-таки фантастический план. Но сближение или даже тесный союз народов России и Европы (каковы бы ни были на сегодня их взаимные чувства) мне кажется в высокой степени вероятным, почти неизбежным. Основанием для него стала бы не только их этнокультурная близость, но и прагматические соображения: это был бы союз слабеющих — на данном историческом этапе — народов против народов, входящих в силу.

«Титаны возвращаются в город»?

Я вижу на холме героев, могучих и гневных.
Н. Гумилев

Вера в героев, которые придут и все переменят, — постоянный мотив новых правых. Некоторые из них считают, что время для этого приспело уже сейчас. «Титаны возвращаются в город», — утверждал Кребс пару лет назад.

Пока что лишь один «титан» явил себя миру — Андерс Брейвик. Но и он, по мнению многих новых правых, оказался не совсем тот или даже совсем не тот, кого они ждали.

Во-первых, «профессорские» кружки новых правых все-таки шокировала учиненная им бойня. Одно дело планировать гражданскую войну на бумаге и совсем другое — выпускать пулю за пулей в трепещущие от боли тела.

Во-вторых и в главных, Брейвик вышел с «лесной» тропы язычества на большак христианства; по крайней мере, он сделал это декларативно. Мы видели, что язычество изначально было коньком, на котором выезжали новые правые, даже те из них, кто, подобно Фэю, терпимо относился к христианству. Последователь Фэя — Фьордман, непосредственный, хотя бы и заочный, наставник Брейвика, сделал шаг в сторону христианства, признав, что Европа обязана ему величайшими своими культурными свершениями. Но для Фьордмана приемлемым в христианстве является то, что объединяет его с античным языческим миром; а что разъединяет, остается вне его поля зрения.

Брейвик же заявил себя христианином и христианским рыцарем, «тамплиером», готовым сразиться за крест, положив за него сколь угодно жизней, в их числе и свою собственную.

Мне уже приходилось комментировать Манифест Брейвика на страницах «Дружбы народов»[15]. Повторю только, что в нем он объявляет войну сразу на два «фронта»: против культурмарксизма и против мусульманства. Новые правые изначально (точка отсчета — 1968 год) явились антиподами культурмарксизма, но они, как правило, считают его неизбежным «продолжением» либерализма, а Брейвик совершенно справедливо видит в нем извращение либерализма. Мимикрируя под либерализм, пишет Брейвик, культурмарксизм грозит стать его могильщиком; и станет им, если его самого прежде не загнать в могилу.

Самое существенное, что выделило Брейвика, это готовность к действию.

Его кровавая акция одних новых правых перепугала, но других восхитила. Видный новый правый Себастьян Ронин, глава международной организации Renaissance Vanguard International, пишет, что «кровавое и архаическое событие» на острове Утейя «стало для нас (новых правых), хотим мы того или нет, политическим Рубиконом». Назад пути нет: «акция Брейвика на годы вперед определяет дискурс и политическую траекторию белого этно-националистического движения»[16].

Обозреватель сетевого издания «Counter–Currents Publishing» Грег Джонсон пишет, что если нет сегодня у Брейвика единомышленников-«тамплиеров», то они наверняка появятся. «Будет много Брейвиков». Со временем он может стать культовой фигурой, и его портрет будет красоваться на майках, как это случилось с портретом Гевары. То, что он поубивал беззащитную молодежь, не помешает его возвеличиванию: Нельсон Мандела и Менахем Бегин, напоминает Джонсон, тоже были террористами, но со временем стали национальными героями. А Брейвик, в отличие от иных террористов, не убивал людей без разбора, в качестве мишеней он выбрал «детей предательской элиты», которые в будущем должны были занять место отцов»[17].

Последнее утверждение слишком категорично: о молодом человеке никогда нельзя сказать с уверенностью, кем он станет в будущем. Между прочим, наставник Фьордман в юности состоял в организации тех же «молодых социалистов», которых расстрелял Брейвик.

В пользу Брейвика высказываются иногда люди, как будто далекие от новых правых. Так, писатель Ришар Милле, лауреат Французской академии, заявил: «Норвегия заслужила Брейвика». Потому что «мультикультурализм... это худший путь для Европы»; он «создает мозаику из гетто, в которой (принимающая) нация перестает существовать». Почему бы тогда не сказать: Европа заслужила Брейвика? Впрочем, выступление Милле вызвало скандал во Франции. Английская «Guardian» писала по этому поводу (в номере от 18.4.12), что очень многие в Европе думают сегодня, как Брейвик, но не признают этого на словах и даже осуждают тех, кто публично высказывается в его пользу.

Распространенные характеристики Брейвика: «предвестник»; просто «вестник»; даже «буревестник»; еще «симптом близких перемен». Лидер Гиперсионистского движения (ставящего целью создание Великого Израиля) раввин Авраам Шмулевич пишет: «Феномен Брейвика много глубже, чем это кажется на первый взгляд. Это — начало новой духовно-милитаристской мобилизации Европы»[18].

Кинорежиссер Зиберберг назвал Брейвика Черным рыцарем. Понятно, почему — черный, но все-таки — рыцарь? Может быть, Белого рыцаря типа Лоэнгрина, приплывшего на лебеде, Европа просто не заслужила? Лоэнгрин ведь тем является, кто в него верит.

Конечно, в юридических категориях Брейвик — злодей, а по человеческим понятиям заслуживает смертной казни. Но преступление, как писал И.А. Ильин, может иметь духовную значимость. У Брейвика ведь нет психологической склонности к насилию над себе подобными (сравните с кинематографическими героями, даже вполне, как будто, положительными: они сплошь и рядом убивают с о в к у с о м); напротив, он принуждал себя сделать то, что он сделал. Брейвик полагал, что, принося свою гекатомбу, он начинает «священную войну» и призывал судить его как воина, а не как уголовного преступника.

Фишка, как теперь говорится, здесь в том, что один в поле не воин. Вот е с л и, не приведи бог, в Европе начнется гражданская война, тогда новоявленный «Сигурд» (как называет себя Брейвик в память норвежского короля Сигурда I, принявшего участие в Первом крестовом походе; норвежские саги любовно описывают, как Сигурд Крестоносец с дружиною, состоящей из великанов, освобождал Гроб Господень) окажется, фигурально выражаясь, на коне и его кровавая акция сможет быть оценена — по крайней мере, одной из воюющих сторон — как превентивная (на чем он сегодня настаивает).

Брейвик — фигура «рисковая», притом в двояком смысле, ибо он поставил на кон не только собственную жизнь, но, может быть, и судьбу Европы. Неведомо чем кончится гражданская война, к которой призывает Брейвик, как и некоторые новые правые теоретики, если она однажды начнется. Это, правда, не означает, что она обязательно кончится плохо. Не всегда худой мир лучше доброй ссоры.

Жизнь по сути своей трагична: в этом согласны христианство и язычество (только в христианстве любая трагедия — светлая, если она не связана с отдалением от Бога, а в язычестве, не знающем выхода из мира сего, трагедия по-настоящему трагична). В то же время для человека естественно стремиться к мирному и безопасному существованию. И если ход жизни принимает трагический оборот, это значит, что есть на то воля Божья. В таких обстоятельствах человек может стать «орудием Провидения», но он не должен брать на себя эту роль добровольно-сознательно. «Человек, — пишет Б.П. Вышеславцев, — не имеет права становиться на точку зрения Провидения в своей этической деятельности и в своих этических суждениях»[19]. И даже если совершенное им преступление отвечает вышнему замыслу, это не освобождает его от наказания. Сказано: взявший меч мечом и погибнет.

Можно, однако, извлечь из кровопролития, учиненного Брейвиком, некоторый позитив: оно привлекло широкое внимание к его Манифесту. Который в части, относящейся к культурмарксизму, содержит, как мне уже приходилось писать, вполне справедливую и очень своевременную его критику.

И если новые правые, действительно, будут переориентироваться на идеалы Брейвика (христианство плюс все то ценное, что заключал в себе «классический» либерализм), что, как мы видели, отчасти уже происходит, это будет исторически очень значимая и перспективная — для Европы и, разумеется, для самих новых правых — трансформация.

В этом случае движение консервативных революционеров (назовем его общим для него родовым именем) в лице наиболее дальновидных его участников повторит путь, пройденный одним из его кумиров — Рихардом Вагнером, который после пронзительно-возвышенного «Лоэнгрина» углубился в темный «немецкий лес» (в тетралогии «Кольцо нибелунгов»), но затем вышел из него — к «христианской мистерии» (по авторскому определению) «Парсифаля», великолепным образом завершив свой творческий путь. Кстати говоря, на байрейтской сцене Парсифаль традиционно выступает со щитом тамплиера (красный крест на белом поле — геральдический знак святого Георгия).

А вот поступь движения будет по-настоящему действенной лишь в том случае, если оно, несмотря ни на что, последует проекту де Бенуа, лидера новых правых на раннем этапе, — постепенное завоевание умов; ибо дух строится не

силой, но убеждением. Только двигаться надо не в «лес» (где, по меткому русскому слову, «пенью богу молятся»), а в противоположном направлении.

Будущее, писал Ницше, принадлежит людям «долгой (в смысле большого объема) памяти». Но даже культурно богатое греко-римское язычество занимает в памяти европейцев относительно скромное, сравнительно с христианским периодом, место. А северное, «лесное» язычество сохранилось на задворках ее в виде обрывков, за ветхостью не подлежащих даже реконструкции, не говоря уже о реставрации.

Между тем на другом «фронте» Брейвика взгляды на ислам, которые он разделил с частью новых правых, грешат сильным упрощением.

Заметим, что изначально новые правые испытывали определенную симпатию к исламу. Ее им завещал Рене Генон, остающийся для них одним из первейших авторитетов. Генон ценил в исламе приверженность интегризму, верность истокам и отвержение модерна, что соответствовало вкусам новых правых. Де Бенуа говорил даже, что скорее предпочел бы жить в соседстве с мечетью, чем с торговым центром.

Но ближе к концу прошлого века во взглядах новых правых на ислам произошел поворот, инициатором которого явился опять-таки Фэй: большинство из них склонилось к мысли, что «нашествие» мусульман угрожает идентичности Европы и с ним необходимо так или иначе бороться. Эти настроения нашли крайнее выражение в идее Брейвика о возобновлении Крестовых походов, ставящих целью изгнание всех мусульман из Европы (не исключая балканских *потурченцев,* исповедующих ислам уже несколько веков) и, паче того, возвращение христианам некоторых территорий на Ближнем Востоке.

Между тем некоторые новые правые или близкие к ним мыслители и сейчас смотрят на ислам иначе. Так, английский историк Гэри Гленн пишет: «Мы можем найти некоторое утешение в допущении, что исламская культура жизни (то есть ставящая целью продолжение жизни. — *Ю.К.*) может оказаться более соответствующей достоинству человека, чем европейская и, конечно, не только европейская, культура смерти. Папа Бенедикт сказал, что "реальный антагонизм, типичный для современного мира, — не между различными религиозными культурами; скорее это антагонизм между радикальной эмансипацией человека от Бога, от корней жизни, с одной стороны и великими религиозными культурами с другой"»[20]. (Кстати, слова о надвигающейся на Европу «культуре смерти» принадлежат тому же Бенедикту XVI.) Полагаю, что доля истины в этом соображении есть.

Сходный взгляд на ислам и у обозревателя лондонской «Financial Times» американца Кристофера Колдуэлла. В своей книге «Размышления о революции в Европе» (перекличка с «Размышлениями о Французской революции» Э. Берка, чьи взгляды автор во многом разделяет) он пишет: «То, что секулярная Европа называет сегодня «исламом», представляет собою порядок ценностей, который Данте и Эразм признали бы своим... А вот то, что сегодня называют "основополагающими европейскими ценностями", и Данте, и Эразма сильно озадачило бы». Правда ли, задается вопросом Колдуэлл, что мусульманский мир — отсталый? Или это Европа слишком далеко убежала «вперед», оторвавшись от своих корней? Встреча с подлинным исламом, заключает он, «может быть болезненной, но она может обернуться тем, что нынешняя бесцветная, погрязшая в

мелочности и материализме интеллектуальная жизнь Запада получит необходимый ей кислород»[21]. Положим, и Данте, и Эразм хорошо знали, чем ислам отличается от христианства, но в остальном рассуждения Колдуэлла в высокой степени справедливы — они показывают напряженную проблемность отношений современной Европы с миром ислама.

М. Цветаевой сказано: «правда — перебежчица». Конечно, не всегда и не везде, но применительно к нашей теме это верно, и чтобы дойти до сути дела, надо следить за перемещениями правды «туда и обратно». Подчеркну, что речь идет о правде, а не об истине, которая всегда остается «на своем месте».

В то же время агрессивный исламизм нуждается в решительном противодействии — это задача равно Европы и России; и переселенческому движению мусульман, пусть даже вовсе и не агрессивных, следовало бы поставить определенные пределы.

А в рядах новых правых, судя по всему, крепнет интуитивная догадка, что попытка окопаться в языческой идее бесперспективна, что противостоять исламу может только христианская Европа, а отнюдь не языческая, давным-давно отыгравшая свое.

Возможны ли новые Крестовые походы? Скорее всего, эта идея Брейвика, выглядящая сегодня достаточно фантастически, останется висеть в воздухе. Другое дело, что ко времени стала бы объективная оценка крестоносного движения XI — XIII веков, которого европейцев за последние годы приучили стыдиться. Это тоже немаловажный вопрос: должны ли люди краснеть за своих предков или гордиться их свершениями. Напомню, для сравнения, что в европейских аристократических фамилиях особым «знаком качества» считалось участие предков в Крестовых походах.

Характерную для современного европейского сознания оценку Крестовых походов дал Слотердайк в его кинический период. Тогда он называл их «социально-психологическим взрывом протофашистского свойства» и «попыткой христианизированных феодальных властей выплеснуть наружу собственный цинизм» (хотя и признавал, что с ними связаны также «несказанные лишения и проявления отваги»)[22]. В угоду такого рода общественному «запросу» историки подчеркивают чисто материальные причины Крестовых походов: обилие «непристроенных» рыцарей (результат действия системы майората, лишавшего наследства младших сыновей), занявшихся грабежом и разбоем, коммерческие интересы на Востоке и т.п. Все это хорошо известно, но самое примечательное в Крестовых походах другое — «возгонка» материального до идеального. Материальные интересы оказались невольными пособниками высокого стремления к отвоеванию Гроба Господня. В иных случаях даже игра гормонов канализовала себя в том же направлении, что нашло отражение и в поэзии (шиллеровский рыцарь Тогенбург, пушкинский «рыцарь бедный»).

Объективная оценка крестовых походов важна для «самочувствия» современных европейцев перед лицом мусульманского мира. Необходимо знать, на кого опираться и от чего отталкиваться.

Конечно, в истории порою сбываются и самые фантастические планы, поэтому нельзя совершенно исключать возможность новых Крестовых походов как «сетевой» войны[23]. И материальные основания для них могут появиться. Экономисты считают почти неизбежным падение ВВП в европейских странах в третьем десятилетии и, как следствие, резкий рост безработицы, а значит, и

рост преступности. Сложится таким образом контингент, способный в XXI веке сыграть роль «непристроенных» рыцарей XI века. И вождь у них может появиться — если новоявленный «Сигурд» по тем или иным причинам будет выпущен из тюрьмы или же его силой освободят оттуда какие-нибудь великаны.

«Высота» завоевательных или, если угодно, «отвоевательных» задач, поставленных Брейвиком, едва ли под силу даже великанам. Сейчас не IV век до Р.Х., когда Запад совершил мощный рывок в восточном направлении, на длительное время повлекший греческое господство на обширных пространствах Азии (в бассейне Инда и в Средней Азии на три столетия, в Восточном Средиземноморья на целое тысячелетие), целиком обязанное энергии одного человека — Александра Великого[24]. Но Брейвик поставил нарочито «высокие» задачи, чтобы пробудить героические чувства, уснувшие в его соотечественниках по Европейскому союзу.

Героика и вправду нужна Европе (Северу в целом) — хотя бы как ответ на явление шахадата. Многажды было сказано, что современный террорист-смертник — *извращенный* шахид; но это все-таки извращенный *шахид*: героическое начало в нем сохранено, но поставлено на службу ложным и преступным целям. Разумеется, ответ должен быть, как говорится, ассиметричным.

Чуткий Андрей Белый писал в 1923 году: «Мы ждем Персеваля» (Парсифаля)[25]. Впору и сегодня повторить эти слова надежды. Напомню, что вагнеровский Парсифаль не с мусульманами сражается[26], он совершает совсем иной подвиг: священным копьем излечивает короля Амфортаса от страшной раны (символ человеческой греховности), которую он получил в объятиях колдуньи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бенуа А.де*. Как можно быть язычником. — М.: 2004. — С. 90.

[2] *Krebs P.* Fighting for the Essense. — London: 2012. — P. 137.

[3] *Camus R.* La grande deculturation. — Paris: 2008. — P. 43, 44.

[4] *Faye G.* Archeofuturism. — Sausalto (Calif.): 2010. — P. 33.

[5] Там же, p. 35.

[6] Это подтверждает и советский опыт. Советская культура в 30-х годах складывалась «от почвы», опираясь на некоторые русские традиции (притом что другие русские традиции были отброшены и забыты). Роль организующего центра здесь сыграла коммунистическая идеология, первоначально народным сознанием отторгаемая, но затем принятая «через не хочу» (по принципу «стерпится — слюбится»). Зато когда ее ложь стала очевидной, тогда и все здание культуры рассыпалось.

[7] *Fay G.* Why We Fight. — London: 2011. — P. 91. (Во французском оригинале книга вышла в 2002-м.)

[8] См., например: http://missioneuropak.martell.wordpress.com/category/fjordman/.

[9] К.Н. Леонтьев, который, как известно, вовсе не был западником, писал, тем не менее: «В жизни европейской было больше разнообразия, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чем в жизни других, прежде погибших исторических миров». (*Леонтьев К.Н.* Записки отшельника. — М.: 1992. — С. 165). И это еще не все, что можно поставить в заслугу европейцам былых времен на ниве культуры.

[10] *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. — М.: 2012. — С. 343.

[11] Это выражение (white trash) родилось на рабовладельческом Юге США. Негры-рабы

«уважали» «настоящих господ» — рабовладельцев, а небогатых белых фермеров, которым они тоже обязаны были оказывать знаки почтения, между собой называли «белой швалью».

[12] http://Wnov.pi-news.net/2009/03/deutschlands-zukunft-zwei gedankenspiele.

[13] *Sloterdijk P.* Zeit und Zorn. — Frankfurt am Main: 2006. — S. 282.

[14] *Fay G*. Why We Fight, p. 92, 93.

[15] См. «Что нам готовит год 2083?» (№ 11, 2011).

[16] http://sites.google.com/site/breivikreport/articles/the-breivik-action-the-first-arche-ofuturist-victory.

[17] http://www.counter-currents.com2012/05/breivik-a strange-new-respect.

[18] http://www.apn.ru/publications/article 26440.htm.

[19] *Вышеславцев Б.П*. Трагическая теодицея. — Париж: Путь, 1928. — № 9, с. 14.

[20] *Glenn G*. Is secularism the end of liberalism? — «The Catholic Social Review», 2008, № 13, p.102.

[21] *Caldwell Ch*. Reflections on the Revolution in Europe. — London: 2009. — P. 16, 39.

[22] *Слотердайк П*. Критика цинического разума. — Екатеринбург: 2001. — С. 267. В оригинале книга вышла в 1983 году и представляет собою уникальную, наверное, попытку критики цинизма — с позиции кинизма. Как если бы между ними существовала какая-то принципиальная разница!

[23] Футурологи прогнозируют, что в наступившем веке межгосударственные войны будут вытесняться «сетевыми», субъектами которых станут религиозные ордена и конгрегации, мафии и различные экономические структуры. Примером «сетевой» войны может служить террор, который осуществляет Аль-Каида. Исторические Крестовые походы тоже можно считать разновидностью «сетевой» войны.

[24] Между прочим, мусульманские завоевания VII века можно рассматривать, как «реванш» собирательного Востока: мусульмане дошли почти в точности до тех границ, с которых начинали свою экспансию греки и римляне (если считать Востоком — для чего есть все основания — и Карфаген, простиравшийся до Пиренеев). И только турки спустя века продвинулись дальше, захватив Малую Азию и Балканы.

[25] *Белый А*. На перевале. — Берлин: 1923. — С. 139.

[26] Мусульманская тема присутствует в «Парсифале» лишь намеком. Замок короля Амфортаса расположен в Астурии, на христианском Севере Испании, а замок злодея Клингзора в мусульманской ее части. Но Клингзор не мусульманин, он колдун, а колдовство равно отвратительно христианству и мусульманству.